

На словах заявляя, что не может встретить Великого генерала по его возвращении в столицу, на второй же день регент получил точное донесение: Генерал, подавляющий Север, запросил высочайшего указа, доложив, что армия прибыла в уезд Циньчэн близ столичных пригородов, и испрашивая дозволения вступить в город на следующий день.

У Синь тут же велел передать ответ: войско входит в столицу завтра, все чиновники отправятся встречать его в полном составе.

По правде говоря, зимой У Синю было категорически противопоказано покидать дворец.

Его слабое, израненное недугами тело стоило лишь чуть-чуть продуть ветром, как по возвращении он слегал в постель дня на два.

Но нынче все государственные дела давили на его плечи тяжелым грузом, и позволить себе пролежать два дня — непозволительная роскошь, из-за которой столько всего застопорится.

И всё же на следующий день пышный кортеж У Синя неизменно занял самое переднее место в процессии, встречавшей победоносную армию.

Окна и стены кареты были плотно забраны тяжелыми, непродуваемыми занавесями, а в просторном салоне полыхал жаровенный таз, так что даже в чистом поле стояло весеннее тепло.

Четырехлетний маленький император У Шо сидел на коленях у У Синя и, широко распахнув круглые глаза, смотрел на него:

— Маленький дядя-князь, кого это мы ждем?

— Ждем великого героя.

У Синь мягко провел ладонью по мягким волосам на макушке У Шо:

— Чжаочжао должен знать: если ты можешь спокойно восседать на троне дракона в этом Городе Фэнцзин и со спокойной душой следовать за Тайфу на учебе, то лишь потому, что генерал проливает кровь за родину на всех четырех рубежах.

— Значит, генерал — хороший человек.

У Шо моргнул, приподнялся на коленях У Синя, и его пухлые короткие ножки причинили У Синю немалую боль:

— Маленький дядя-князь, я ведь правильно говорю?

— Не совсем так.

У Синь с улыбкой подхватил маленького пухлого увальня на руки, не давая ему продолжать наступать.

Дело было вовсе не в том, что он не любил детей; просто его здоровье оставляло желать лучшего, и после таких детских шагов ноги У Синя непременно покроются синяками.

Он усадил У Шо на соседнее сиденье, позволив тому повозиться в одиночку, и с улыбкой произнес:

— Чжаочжао должен запомнить: при дворе нет абсолютно хороших людей. Ты можешь доверять своим сановникам, но еще больше должен научиться держать их в узде.

— А?

Малыш моргнул, озадаченно глядя на него:

— Но ведь маленький дядя-князь говорил...

—Одно другому не противоречит.

Улыбка У Синя была легкой и мягкой:

— Ты — император, и научиться правильно расставлять людей — твой важнейший навык на всю жизнь. Если подберешь правильных людей, сможешь править страной, лишь заложив руки за спину и не прилагая усилий.

— А как же маленький дядя-князь?

У Шо снова вцепился У Синю в шею, и его круглые глазенки сияли чистотой и ясным блеском:

— Раз маленький дядя-князь умеет выбирать людей, я спрошу у него.

— Маленький дядя-князь не сможет сопровождать тебя всю жизнь.

У Синь рассмеялся, прижал маленького увальня к груди, усаживая так, чтобы тот не брыкался:

— Генерал, который прибудет сюда снаружи, — человек, которому Чжаочжао может доверять, понимаешь?

— Хороший человек!

Малыш проявил удивительное упорство в отношении хороших людей и звонко рассмеялся.

— Глупый Чжаочжао, человеческая нация сложна, нельзя делить всех просто на хороших и плохих.

У Синь с улыбкой безысходности ущипнул пухлую щечку малыша, а в его глазах таилось мягкое веселье:

— Впрочем, генерал Лян и впрямь хороший человек.

— Хороший человек, Чжаочжао любит его. — Малыш задрал голову, глядя на У Синя, и, заметив нежную улыбку маленького дяди-князя, радостно улынулся в ответ.

— При встрече с ним нельзя называть себя Чжаочжао, нужно говорить — Чжэнь.

У Синь с улыбкой предостерег его:

— Между вами существуют отношения государя и подданного, не забывай об этом.

— Помню.

С улыбкой ответил малыш, соскочил с колен У Синя, затопал ножками к своему сиденью и напустил на себя важное выражение на маленьком круглом личике:

— Здоровье императора превосходно, любимый подданный, встань с колен.

Он говорил с абсолютной серьезностью, с легкостью приняв надменный вид маленького императора, а закончив, тут же бросился в объятия У Синя, выпрашивая похвалу:

— Маленький дядя-князь, разве Чжаочжао не молодец?

— Чжаочжао просто молодец.

У Синь с улыбкой обнял его:

— Такой же способный, как твой августейший брат.

При упоминании старшего брата, скончавшегося в расцвете лет, вечно улыбающиеся глаза У Синя наконец заволокло легкой скорбью:

— Старший брат, увидев Чжаочжао таким, непременно бы утешился.

Не успел Чжаочжао сказать что-то еще, как снаружи раздался голос доверенного лица У Синя, Бай Цзэ:

— Ваше Высочество, Великий генерал прибыл.

— Знаю.

У Синь вздохнул, запахнул воротник поплотнее, сначала облачил У Шо в крошечный плащ, а затем закутал в теплое и его самого — и лишь после этого откинул полог кареты. При поддержке Бай Цзэ он сошел на землю, затем повернулся, чтобы высадить У Шо, и, держа малыша за ручку, застыл перед экипажем.

Глядя на поднимающиеся вдали клубы пыли и мчащийся во весь опор отряд всадников, У Синь тронул губы мягкой улыбкой.

Ох уж этот первый храбрец Чжуся, поистине — какая удаля.

Боевые кони приблизились. Лян Е издалека осадил коня, соскочил на землю и, сделав с десяток шагов во главе своих генералов пешком, почтительно опустил на колени:

— Ваш слуга Лян Е приветствует Ваше Величество, смиренно вопрошая о вашем здравии.

Голос молодого генерала звучал гулко и уверенно; договорив, он замер, не выказывая ни малейшего намерения одновременно с этим поприветствовать У Синя, как было принято в столице.

У генералов, следовавших позади Лян Е, по спине побежали ледяные мурашки — им показалось, что их собственный командующий и впрямь решил расстаться с жизнью.

У Синь никак не отреагировал, лишь сохранял мягкую улыбку.

Зато детским, звонким голоском заговорил У Шо:

— Здоровье императора превосходно, генерал Лян, поднимитесь.

Если говорить правду, У Шо вовсе не собирался намеренно придираться к Лян Е: на девять десятых его слова состояли из чистого детского любопытства, а оставшуюся десятую долю составляло желание заступиться за любимого маленького дядю.

Все придворные относились к маленькому дяде с глубочайшим почтением, с какой стати этому Великому генералу не выказывать дяде уважения!

Лян Е замер и тут же собрался вновь опуститься на колени, но едва его колени согнулись, как их поддержала пара чистых, белых и прохладных рук. Следом за этим прямо у него над ухом раздался мягкий, окутанный улыбкой голос:

— Преданность генерала Ляна Его Величеству сияет ярче солнца и луны, он поистине должен стать образцом для всех сановников.

У Синь поддержал Лян Е, но тут же отдернул руки. И хотя его тон был мягче некуда, генералы, стоявшие за спиной Лян Е, невольно вздрогнули от озноба.

Слова регента звучали ласково, как вода, и вроде бы являлись похвалой, но почему-то всем почудился двойной подтекст.

В конце концов, мог ли оказаться простым человеком тот, кто опираясь на хворое, слабое тело сумел помочь малолетнему императору прочно утвердиться на троне дракона!

Почти все были уверены, что Лян Е подписал себе смертный приговор.

Да и сам Лян Е чувствовал, что заноза между ним и регентом вонзилась окончательно.

При этой мысли он почувствовал странное облегчение и поднял голову, желая хоть разок взглянуть на того регента, о котором ходили слухи, будто он неизменно добр и мягок, но успел заметить лишь точеную фигуру, скрывающуюся внутри кареты.

Вслед за этим из экипажа донесся глуховатый кашель У Синя:

— Кхе-кхе... У этого князя слабое здоровье, долго стоять на ветру я не в силах, так что пусть генерал не взыщет.

Голос прозвучал до странного мягко, отчего в душе Лян Е шевельнулось мимолетное чувство вины.

Лян Е все же отступил на шаг назад и поклонился карете:

— Смею ли я гневаться. Этот скромный генерал приветствует князя.

Из кареты донесся негромкий смех У Синя:

— Великому генералу не стоит церемониться. Ваше Величество, садитесь в карету.

— Иду, маленький дядя-князь!

Радостно отозвался маленький император и задрал вверх обе руки к Бай Цзэ:

— Дядя Бай Цзэ, посади меня в карету.

Бай Цзэ с улыбкой согнулся в пояснице и поднял У Шо внутрь.

Малыш тут же забавно выставил кругляш-попку и юркнул в салон.

После этого из повозки послышался мягкий голос У Синя:

— Генерал устроил три племени Мойбэя, его заслуги перед государством неоценимы. От лица простого народа Поднебесной я благодарю Великого генерала. Нынче вечером во дворце Чунхуа состоится пир, и я прошу всех почтенных генералов не страшиться тягот и пожаловать во дворец.

— Благодарю Вашу Светлость.

Лян Е сложил руки перед грудью за пределами кареты, бросил взгляд на плотно опущенные шторы и вдруг холодно усмехнулся:

— Только вот регент, боюсь, не в силах говорить от имени всего простого народа Поднебесной.

<http://bllate.org/book/24139/2785708>